

Владимир Николаевич ШУБКИН

В. Н. Шубкин (1923-2010) – окончил экономический факультет МГУ, доктор философских наук (1967 г.). Основные области исследований: методология социологии, количественные методы в социологии, социология молодежи, образования, социология литературы.

СУДЬБА ЕГО НЕ ЩАДИЛА И НЕ ЩАДИТ. ОН БОРОЛСЯ И БОРЕТСЯ С НЕЙ*

Время, сама история развития советской / российской социологии таковы, что как бы случайно обнозначившееся осенью 2016 года направление моего историко-социологического проекта «О тех, кто сам о себе уже не расскажет...» все значимее заявляет о себе. Мое исследование началось в 2004 году, медленно набирало силу, в первые годы я проводил лишь по четыре- пять интервью в год. Быстрее нельзя было, не было опыта, не было необходимой инфраструктуры. Не был уверен, что я готов надолго углубиться в прошлое нашей социологии. К тому же, далеко не многие социологи – особенно старших возрастов – тогда пользовались электронной почтой. Как и сейчас работал я один и, конечно, не мог интервьюировать всех, кого мне хотелось бы, понимая значимость их воспоминаний для истории. Да и вера коллег в жизненность проекта была невеликой, многие отказывались от участия в интервью. Выручали давние друзья. Значимо и то обстоятельство, что к 2004 году я уже десять лет жил в Америке, не знал молодых социологов, потерял контакты со многими давними коллегами.

Безусловно, уже в первые годы проекта я провел бы интервью и с Владимиром Николаевичем Шубкиным (1923-2010), но его тяжелая болезнь не позволяла мне побеседовать с ним. Однако, когда я интервьюировал друзей, коллег Владимира Николаевича, я всегда просил их вспомнить его и рассказать о нем. Мне передавалось ощущение радости, которые испытывали мои собеседники оттого, что у них появилась возможность поделиться своими чувствами к Шубкину. У них глаза теплели. Когда я попросил рассказать о Шубкине, профессора Владимира Шляпентоха, работавшего и дружившего с ним многие годы, он начал свой ответ словами: «Это самый приятный моей душе вопрос, который ты мне задал».

Так и накопился материал для описания жизни Шубкина.

* В заголовок этого текста вынесена фраза из воспоминаний Давида Константиновского (см. ниже)

В. Н. Шубкин – мощный, сильный ученый – социолог и экономист, литератор, публицист. Им внесен ценный вклад в разные направления социологии, он – один из немногих представителей первого поколения советских / российских социологов работал в области «жесткой» и «мягкой» социологии, его гражданская позиция – участника Великой отечественной войны и «шестидесятника» – четко просматривается в выборе им тем для изучения и в анализе полученные результаты. Также она явно проступает в его воспоминаниях и прозе.

Владимир Шубкин в воспоминаниях друзей и коллег

Мне показалось наиболее естественным алфавитное упорядочение тех, кто вспомнил о своей работе, своей дружбе с Владимиром Николаевичем Шубкиным. Сказанное ими помогает нам понять, почувствовать личность этого незаурядного исследователя и человека:

Андрей Николаевич Алексеев – работал с В. Н. Шубкиным в Новосибирске

Давид Львович Константиновский – работал с В. Н. Шубкиным в Новосибирске и Москве

Галина Анатольевна Чередниченко – работала с В. Н. Шубкиным в Москве

Владимир Эммануилович Шляпентох – работал с В. Н. Шубкиным в Новосибирске

Владимир Александрович Ядов – работал с В. Н. Шубкиным в Новосибирске и Москве

Вспоминает А. Н. Алексеев¹

В 1968 г. ты закончил аспирантуру. Что дальше?

Дальше – несколько везений подряд. Харчев, слушавший мой доклад в Кяэрику про «массовую коммуникацию, журналистику, прессу» (попытка навести какие-то мосты между социологией и «наукой о журналистике»), соглашается взять к себе на Ленинградскую кафедру философии (впоследствии преобразовалась в Ленинградские сектора Института философии). Уже принятый туда, пишу какой-то трактат о подходах к социологическому изучению искусства. Вроде Харчеву нравится. И тут вдруг мне звонит из Новосибирска Шубкин и энергичным голосом приглашает в Академгородок, заниматься... социологией печати!

Позднее где-то Шубкин вспоминал, что сначала безрезультатно приглашал на это место Леонида Гордона. Что для меня, думаю, честь, а не предмет обиды.

До этого мы с Владимиром Николаевичем знакомы не были. Скорее всего глаз на меня положил Шляпентох, приехавший из Новосибирска в Кяэрику в том же году. Как известно, он был организатором первых исследований всесоюзных аудиторий газет “Труд”, “Известия”, “Литературная” и “Правда”. До чего ж заманчиво для бывшего аспиранта факультета журналистики!

Неловко перед Харчевым, но «отпрашиваюсь» у него. Тот говорит: «Если надумаете вернуться, учтите, что два года я Вас жду». (Так и вышло).

В Новосибирский академгородок приехал с чемоданом, набитым экземплярами 1000-страничной (так!) кандидатской диссертации. Шубкин смеется: «Если хотите, чтобы ее кто-то стал читать, сократите хотя бы до 300 страниц» (теперь, говорят, и 150 много).

Состою в штате Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук. Работаю же фактически в дислоцирующейся в этом институте группе социологии печати, при Новосибирском университете, у Шляпентоха. Там у меня появляется своя подгруппа контент-анализа (мое тогдашнее определение

¹ Алексеев А. Н.: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=5.

этого метода: анализ содержания массовых совокупностей текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях). В этой подгруппе еще трое энтузиастов поиска «очевидных свидетельств неочевидного», в частности, путем качественно-количественного изучения содержания советской прессы. Первый Всесоюзный семинар по контент-анализу состоялся именно в Новосибирске... (Второй – четыре года спустя в Ленинграде).

Живу в комнате аспирантского общежития Академгородка. Переписываю свою диссертацию, уже без оглядки на журналистику, ведь защищать-то придется в ученом совете по философии.

Только я приехал в Новосибирский академгородок, Шубкин покидает его – возвращается в Москву. А через некоторое время уезжает в Москву и Шляпентох. Кажется, уже без него сдавали отчет по хоздоговору с «Правдой». Для меня эта работа с социологической эмпирией была хорошей школой.

Вспоминает Д. Л. Константиновский²

У интервью с Давидом Львовичем Константиновским – долгая история. 4 июля 2001 года беседу с ним провел Геннадий Семенович Батыгин. В силу каких-то причин текст не был сразу опубликован в «Социологическом журнале», а в начале июня 2003 года Батыгина не стало. Журнал возглавил Константиновский, который по понятным причинам воздерживался от публикации своего интервью. В конце лета 2005 года мне стало известно о существовании беседы Батыгина и Константиновского, и я предложил Давиду «нарастить» старый текст его ответами на мои вопросы. Он согласился, наше интервью – проходившее по электронной почте – состоялось в апреле-июле 2006 года. Соответственно, публикуемый текст состоит из двух частей: «События прошлого века» и «События наступившего века». О В. Н. Шубкине Константиновский рассказывает в обеих частях воспоминаний.

Из интервью Г. С. Батыгину

А в социологию Вы попали лишь благодаря случайности? Получается, что Шубкин сбил Вас с верного пути?

Нет, конечно, наша встреча произошла не на пустом месте. Я что-то читал, интересовался, более того, пользовался социологическими материалами. Но до встречи с Шубкиным у меня не было ко всему этому эмоционального отношения. Было просто интересно. Встреча с Шубкиным придала этому интересу эмоциональную окраску. Я почувствовал, что это живой, дышащий материал: «...здесь дышат почва и судьба». У Шубкина был сектор в Институте экономики у А. Г. Аганбегяна. Он предложил мне: «Походите к нам, может, вам понравится». Я стал захаживать в институт и наконец совсем перешел туда. А потом Шубкину предложили организовать отдел в Институте истории, филологии и философии у А. П. Окладникова.

Как все начиналось? Это был, кажется, 1969 год, может быть, Первое мая. Мы стояли с Шубкиным на солнышке, и я ему сказал: «Знаете, у вас же на самом деле получаются динамические ряды. Почему вы их не считаете? Я попробовал – получается очень интересно». Я нарисовал картинку, и это заинтересовало Шубкина. Он предложил мне написать статью, и с этого началось. Потом Шубкин опробовал меня

² Д. Л. Константиновский «Такие вот динамические ряды...» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=22

на социологическом семинаре Сибирского отделения Советской социологической ассоциации и начал выпускать на публику. Я стал задумываться об аспирантуре: смотрю, все поступают, почему бы и мне не попробовать? Написал заявление, пошел к Шубкину. А Шубкин и говорит: «Вы что, Давид, с ума сошли! Я осенью в Москву уезжаю (дело было в начале лета) и на вас оставляю хозяйство. Вы должны быстро защититься, какая тут может быть аспирантура? Вот вам ключ от моей квартиры. Я уезжаю в отпуск, пожалуйста, к моему возвращению напишите диссертацию». Я сел у Шубкина, как сейчас помню, с коробкой сигар, которую мне прислали с Кубы, и к приезду Шубкина написал первый вариант диссертации. Шубкин посмотрел: «Ну что, нормально...» Потом, конечно, я все это перерабатывал, сделал второй вариант. Надо сказать, у нас был очень хороший коллектив, очень симпатичные люди, они мне сильно помогали...

Давид Львович, как формулировалась тема Вашей диссертации?

«Вопросы социального прогнозирования в области образования: опыт построения математико-статистических моделей». На материале динамических рядов, которые получились у Шубкина, были сделаны математико-статистические модели, и на их основе можно было предсказывать личные планы и шансы на реализацию этих планов для разных групп выпускников школ. Это была работа по анализу дифференциации личных возможностей — та проблема, которая меня первоначально захватила и за которую я взялся.

Кто оппонировал Вам на защите?

Первым оппонентом был В. А. Ядов, вторым — Г. А. Слесарев. Ядов, правда, заболел, свалился в гриппе и передал с «Красной стрелой» свой отзыв. Тогда Шубкин мобилизовал В. Г. Подмаркова. Вся защита проходила под публичные комментарии В. Э. Шляпентоха, который сел, конечно, в первом ряду и громко подавал реплики типа: «Слишком четко говорит, будет много вопросов». Это был еще ученый совет при вице-президенте А. М. Румянцеве. Все прошло нормально, хотя и не абсолютно гладко. Маститые философы, которые были в совете, начали возмущаться по поводу того, как изменялась динамика. «Ну как же, — стали они возражать, — у нас ведь плановое хозяйство, все идет в соответствии с научно-техническим прогрессом, с потребностями в кадрах...». Пришлось пояснять, что, кроме философии, есть еще и статистика. Потом по материалам этой работы мы с Шубкиным написали статью в «Вопросы философии»³. Статью опубликовали, наверно, благодаря Шубкину.

С этой статьей связана интересная история. «Послушайте, — говорил мне редактор, — у вас ведь нет ни одной ссылки на Маркса». — «А что, надо?». — «Да, надо». — «А если я не сделаю, что будет?». Он подумал и говорит: «Да ничего не будет». И оставили без ссылок.

Из интервью Б. З. Докторову

Владимир Николаевич Шубкин во многом определил твою жизнь. К сожалению, он давно и тяжело болен, так что мне не приходится надеяться на интервью с ним. Не мог бы ты немного рассказать о значении его исследований и о его человеческих качествах?

³ Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Личные планы и их реализация // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 32–42.

Спасибо, Борис. О Владимире Николаевиче мало написано по сравнению с тем, чего он заслуживает. Правда, у него есть хорошая автобиографическая проза, и есть публицистика, которые позволяют лучше его понять тем, кто не знает или мало знает его лично (да и тем, кто знает хорошо).

Мне трудно говорить о нем отвлеченно, со стороны. И не только потому, что он мой учитель. Мы очень давно знаем друг друга. Дружили семьями в Академгородке. Потеряли жен. Прошли вместе через всякие неурядицы в социологии, например, наша книга «Молодежь и образование» задержалась с выходом на семь лет. Хотя Шубкину доставалось, конечно, больше, ему приходилось держать удар в первую очередь.

Думаю, все мы в нашем профессиональном сообществе обязаны Шубкину, и не только работающие в тех областях, где он был особенно активен. Он, с несколькими другими известными фигурами, был пионером и выдержал первые и последующие нападки, и первые получил травмы, и первых добился достижений. Уже его кандидатская диссертация, по форме экономическая, была по существу социологичной. А уж те работы, которые последовали потом, остаются и сейчас образцами. Уступки, необходимые в известные годы, практически незаметны, он умел говорить, например, о неравенстве так точно, в деталях и доказательно, что придирки были невозможны. Это не значит, что путь его был гладок. Чего стоило ему, например, обвинение в том, что его исследование поссорит молодежь со старшим поколением; массив анкет был заперт в помещении Новосибирского университета, и Шубкин с сотрудниками переписывали каждую анкету от руки и выносили затем эти драгоценные листочки. Исследования по молодежи и образованию, которые он начал в Академгородке, положили начало банку информации, не имеющему аналогов в мировой социологии. А международные исследования? Созданная им методика была потом использована бесчисленное множество раз; шутили, что вся страна была покрыта слоем шубкинских анкет. Кстати, только Ядов попросил у Шубкина разрешения использовать его анкету, это был исключительный случай, а обычно ее просто считали общенародным достоянием. Это, конечно, некорректность, а с другой стороны — признание.

Очень велика роль Шубкина в становлении самосознания социологов. То, что он написал и вообще всячески старался внедрить в умы коллег по поводу моральной, нравственной стороны нашего труда, его роли в жизни общества и отдельных людей, — это не менее ценно, чем его отраслевые исследования. На эту характеристику профессиональной работы как-то далеко не всегда, признаемся, в нашем сообществе обращают внимание. Будто выборка, использование изоощренных методик или удача в получении хороших заказов — важнее нравственных качеств исследований (и исследователей!) или что-то в этом плане искупают. Социологический анализ должен сочетаться с гуманистическими представлениями о человеке — в этом смысл предостережений и размышлений (но не морализаторства) Шубкина, прозвучавших очень своевременно и очень значимо⁴. Как публицист, он обращался не только к коллегам, но ко всем, кто мог и хотел его услышать, утверждая ценность и достоинство личности⁵.

Именно в этом плане — «как наше слово отзовется» — он заботился и о том, как будут поняты и использованы результаты его работ. Когда меня просят привести примеры применения результатов социологических исследований в практике —

4 Шубкин В. Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2.

5 Публицистика В. Н. Шубкина собрана в его книге «Насилие и свобода» (М., изд-во «На Воробьевых», 1996).

затруднений не возникает. Шубкин инициировал принятие властями специальных мер для смягчения социальных последствий демографических процессов, связанных с окончанием Второй мировой войны, последствий, еще и усиленных реорганизацией школьного образования. Дело в том, что в середине – начале второй половины 60-х годов оканчивали среднюю школу юноши и девушки, родившиеся в первые послевоенные годы, когда солдаты вернулись с фронта и рождаемость естественным образом резко возросла; а тут еще решили сократить длительность обучения и сделать в 1966 году сдвоенный выпуск из средней школы. Шубкин обратил внимание властей на вероятные негативные последствия, и в результате Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в народное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 году». Постановление было подкреплено решениями XXIII съезда КПСС, включившего «вовлечение в производство или на учебу молодежи и подростков, оканчивающих общеобразовательные школы» в главные социально-политические цели пятилетки. Какова бы ни была ограниченность этой единичной меры, она дала в свое время положительные результаты. В республиках и областях были дополнительно изысканы рабочие места, расширен прием в вузы, техникумы, ПТУ. Все это действительно дало амортизирующий эффект – позволило смягчить проблемы и для юношей и девушек, вступавших в жизнь, и для общества в целом.

Другой пример. Наше поколение помнит, как власти пытались регулировать социальный состав студентов. Здесь не место обсуждать возможности и границы контроля, целесообразность и проч. Упомяну только, что административные меры по регулированию состава зачисляемых в вузы вкупе с подготовительными отделениями изменили на некоторое время состав первокурсников, однако не привели к таким же переменам в составе оканчивающих вузы: «льготники», выпускники подготовительных отделений интенсивно отсеивались за годы учебы. Кроме того, в ходе борьбы за единообразие социального состава студенчества и населения страны ухудшалось качество подготавливаемых специалистов, поскольку вузам приходилось понижать уровень требований. Дети рабочих и крестьян, к тому же, не пошли на подготовительные отделения так массово, как ожидали их организаторы. Словом, этот опыт показал неэффективность такого подхода. Его результат – издержки и негативные явления. Тем более ни в коем случае не могут быть приемлемыми дискриминационные меры. Между тем в других странах соцлагеря пошли дальше. В Польше, например, были введены баллы за социальное происхождение. В результате происходили и анекдотические случаи; если, например, отец ребенка получал повышение и из рабочего становился служащим, то шансы ребенка на поступление в вуз автоматически падали. Готовились и у нас меры по жестче, чем были. И вот А. М. Румянцев дал нам задание: объясните, что шансы надо выравнивать, но так, чтобы не снизить интеллектуальный потенциал. Добавил: «Напишите поубедительнее». А может, сказал – «пострашнее», как теперь мне кажется. Аргументы у нас тогда были: те самые модели, о которых я упоминал. Итак, направляемый Владимиром Николаевичем, еду в Президиум Академии... У меня хранится номерной экземпляр книжечки с грифом «Для служебного пользования», рукопись которой я, волнуясь, отдавал в руки Алексею Матвеевичу в его огромном вице-президентском кабинете. «Передам это на самый верх», – сказал он. Не стану утверждать, что благодаря этому докладу у нас не

пошли дальше того, что было, а наоборот, смягчили ситуацию. В таких делах нельзя точно указать причины и следствия. Но — было сделано, что можно, при этом именно используя практические выводы из наших исследований.

Вот вкратце о В. Н. Шубкине как социологе.

О человеке. Я пишу это тебе, Борис, в день рождения Владимира Николаевича. Ему исполнилось 83 года. Он принимает поздравления.

Его жизнь могла бы стать основой для большого романа о судьбе нашей страны. К счастью, удалось издать дневники его отца, учителя-словесника⁶. В этой книге — не только картина жизни барнаульской гимназии, но, может, главное — образ русского интеллигента. Вот истоки шубкинского ума, характера, нравственных правил. В тридцатые годы — репрессии, Шубкин остается без отца и без перспектив. Все двери закрыты. Даже когда начинается война, его не берут в армию. Потом ему удастся пойти на фронт. И он попадает в самые горячие точки Великой Отечественной. Тому, кто хочет понять, чем действительно была война, советую читать, что о ней написал сержант Шубкин⁷. Ранения, контузия, чудесное спасение... После войны — экономический факультет МГУ, потом — успех, международное признание. Сначала была книга о количественных методах, которая стала событием в нашей социологии⁸. «Социологические опыты»⁹ сделали классикой нашей науки, за ними последовали другие книги¹⁰. Горжусь, что одна из них у нас общая¹¹.

Как определить жизнь Владимира Николаевича? Испытания — триумф — испытания? Или: испытания несправедливостью, лишениями, болью — испытание успехом — испытание болезнью? Или еще как-то? Судьба его не щадила и не щадит. Он боролся и борется с ней. Труженик, мыслитель, учитель для очень многих. Его послания коллегам, согражданам, миру — получены. Авторитет его был и остается огромным. Мы, те, кто работает с ним давно и постоянно, знаем его как человека сердечного, заботливого, но и требовательного.

Это не биографический очерк, а самый короткий из возможных ответов на твой вопрос. В заключение скажу, может быть, главное. Он человек теплый. Особенный. Нам повезло, что он был и остается с нами.

⁶ Шубкин Н. Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н. Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998

⁷ Шубкин В. Н. Пашкин подарок: Повести. Предисловие В. А. Ядова «Вторая жизнь Владимира Шубкина». М.: ИС РАН, 1999

⁸ Количественные методы в социологии / Ред. А. Г. Аганбегян, Г. В. Осипов, В. Н. Шубкин. М.: Наука, 1966.

⁹ Шубкин В. Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.

¹⁰ Шубкин В. Н. Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). М.: Молодая гвардия, 1979; Шубкин В. Н. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М.: Наука, 1984; Шубкин В. Н., Чередниченко Г. А. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства), М.: Мысль, 1985; Шубкин В. Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (По материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. Серия «Научные доклады», № 96. М.: Московский общественный научный фонд; Институт социологии РАН; Университет штата Мичиган, 1999 и др.

¹¹ Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.

Вспоминает Г. А. Чередниченко¹²

Какой это был год? С Л. А. Гордоном и В. Н. Шубкиным у меня были хорошие отношения, но интервью с ними у меня нет. Гордон умер, когда моего проекта еще не было, а Шубкин уже был тяжело болен... Может Вы немного вспомните их и расскажите о них?

Я попала в ИМРД на исходе 1973 г. Там была собрана элита обществоведов — главным образом, историков, а также философов, социологов. Была интенсивная интеллектуальная жизнь в обстановке «шестидесятничества», латентных симпатий диссидентству, доступа большинства сотрудников к информации спецхрана и закрытого ТАСС. Проходили интереснейшие методологические семинары, как всего института, так и отделов. В отдел Шубкина, в который я попала, несколько лет входил сектор Клопова и Гордона, поэтому у нас было много совместных обсуждений, общения. К сожалению, о Леониде Абрамовиче Гордоне я знаю немного. Он окончил истфак МГУ и был специалистом по рабочему классу и социальной истории Индии, о ней была его кандидатская диссертация. В 1968 г. Тимофеев тот институт, которым он руководил под эгидой ВЦСПС, сумел перевести в АН СССР и создать ИМРД. Он, прежде всего, собрал вокруг себя истфаковскую компанию, в которую, в частности, входили Гордон и Клопов. Они основную проблематику, связанную с рабочим движением, преломили для себя в изучение социального развития рабочего класса СССР, а впоследствии и соц. стран. Именно в это время они проводят свое, ставшее широко известным и сделавшее им имя в советской социологии исследование быта городского населения (в Таганроге). Их совместная монография, опубликованная в 1973 г., была названа «Человек после работы», что было переключкой со знаменитым исследованием и монографией В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова — «Человек и его работа». Именно социальному развитию рабочего класса СССР была посвящена докторская диссертация Леонида Абрамовича. Он был человеком очень притягательным.

Привлекал не только его яркий, оригинальный, изощренный интеллект исследователя — он всегда собирал заинтересованную аудиторию слушателей на своих семинарах, с вниманием следили за его участием в других обсуждениях. Он завораживал своей энергетикой, одновременно оптимизмом и мудрым скепсисом, юмором и вкусом к жизни. Весьма импонировала его аполитичность относительно официоза. Для меня и он, и Э. В. Клопов всегда оставались важной референтной группой не только в профессиональном плане. В институте было широкое и достаточно демократичное общение «у подоконника» в коридорах. Там обсуждалось все — театр, путешествия, политика и пр. В новые времена (мы уже работали в разных институтах) исключительно органичным стало исследование Л. А. шахтерского рабочего движения начала 1990-х годов. Здесь теории Алена Турена полностью совпали с деятельностной натурой и политической позицией Леонида Абрамовича: он внес вклад не только в социологию массовых движений, но и в просвещение рабочих, их лидеров. Хорошо помню (я тогда работала социологом в партии Е. Гайдара «Демократический выбор России») яркие демократические выступления Л.А. на различных политических мероприятиях в середине 1990-х.

¹² Чередниченко Г. А.: «За меня вступилось Провидение <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=169>130.

Под руководством Владимира Николаевича Шубкина я проработала тридцать лет. Собственно, во многом благодаря ему я и стала социологом: он и увлек меня этой наукой, и многому научил. Владимир Николаевич был хорошим рассказчиком и очень любил рассказывать, как он называл – «байки»: о своей жизни, о запретной в те времена политической истории.

Он родился 9 августа 1923 г. в Барнауле. Его отец – Николай Феоктистович – был преподавателем словесности женской гимназии Барнаула, затем педагогом советской школы. Мама также была школьным преподавателем литературы. В.Н. очень трепетно относился к своему отцу (в конце 1980-х гг. он издал его дореволюционные дневники – «Дневник словесника»), тот был репрессирован в 1937 г. И хотя мать уволили из школы, самому В.Н. дали возможность закончить десятилетку. Как в повести Тендрякова «Ночь после выпуска» восемнадцатилетний Володя 21 июня 1941 г. после вечера в честь окончания школы провел всю ночь вместе со своими одноклассниками у реки, в городском парке. Утром суровый военный на танцплощадке объявил: «Началась война». (В.Н. написал вступление-эссе к этой повести Тендрякова). Как сына «врага народа» его сначала на фронт не взяли. Но поскольку он был хорошим спортсменом-лыжником, весной 1942 года он попал в формирующиеся тогда в Сибири отряды военных лыжников. Он начал войну летом 1942 г. под Сталинградом. У него было исключительное среди солдат – среднее – образование. С таким образованием люди попадали как минимум в лейтенанты. А он стал наводчиком 76-мм. орудия и прошел войну на этом низовом уровне. Поэтому его свидетельство образованного человека о тяготах, голоде, грязи солдатской жизни – явление единичное. Он отразил свой военный опыт (уже в зрелые годы) в литературной повести «Пашкин подарок» и публицистическом очерке «Социология войны».

После войны он окончил экономический факультет МГУ, работал в Москве преподавателем политэкономии, защитил кандидатскую диссертацию. Затем перешел в Институт философии АН СССР, где на рубеже 50–60-х гг. участвовал в одном из первых социальных исследований – села Копанка в Молдавии. Вскоре начал создаваться Новосибирский академгородок. Туда Шубкина с женой (занимавшей аналогичную позицию) пригласил академик Лаврентьев. Они приехали в Новосибирск где-то в 1961–62 гг. и попали в Институт экономики промышленного производства к Аганбегяну, который начинал разрабатывать экономико-математические методы исследований. Но Шубкин быстро от него ушел в Институт истории и философии, так как уже к этому времени был «заражен» социологией. В мае 1962 г. он проводит первое пробное исследование – анкетный опрос выпускников средних школ об их планах в связи с выбором профессии, а осенью того же года собирает персональные сведения о реальных шагах молодежи по продолжению образования и/или трудоустройству. В следующем году проводится массовое исследование в Новосибирске, городах, поселках и селах области. И вскоре появляется его статья в «Коммунисте» с результатами, главный из которых – наличие социального неравенства по происхождению, местожительству и др. – стал громким неожиданным фактом в тогдашнем идеологизированном обществе. Примененная емкая и познавательной богатая методика исследования быстро привлекает внимание последователей. С 1966 г. аналогичные опросы проводятся во многих регионах страны. Сам Шубкин ежегодно повторяет эти исследования на тех же объектах до 1969 г., закладывая базу динамических сравнений.

В 1966 г. он в числе первых защищает докторскую диссертацию по социологической тематике – методологии социологических исследований. В том же году впервые участвует в Международном социологическом конгрессе в Эвиане, где завязывает знакомства со многими известными социологами. Большими его друзьями-коллегами были Грушин, Ядов, Фирсов. В 1969 г. он переезжает

в Москву и начинает работать в недавно созданном Институте конкретных социальных исследований под руководством академика Румянцева. В 1970 г. выходит его монография «Социологические опыты», где совместно представлены методологические вопросы и результаты его социологических исследований.

Итак, в 1973 Шубкин оказывается во главе большого отдела в ИМРД. Он упорно, несмотря на давление директора института, гнет свою тематику. Уже в следующем году он проводит повторное исследование разысканных бывших выпускников средних школ Новосибирской области – тех, которые опрашивались в 1963–1969 гг. Новые анкеты «Начало пути», как и прошлые «Анкеты выпускника» – персонифицированы, поэтому образуется банк совокупной – прошлой и новой – информации о жизненных путях молодежи. Результаты публикуются в «Литературной газете», в отдельной публицистической книге «Начало пути».

Нависавшую со стороны директора института задачу заниматься тематикой социалистических стран Шубкину удается удачно преломить в свою пользу. Тогда организовались Проблемные комиссии международного сотрудничества академий наук социалистических стран. Одну из них возглавлял директор Тимофеев. В рамках работы этой комиссии Владимир Николаевич с венгерским социологом Ференцем Гажо договариваются организовать сравнительное международное социологическое исследование жизненных путей трудящейся молодежи. С 1978 г. этот проект начал реализовываться. Он включал социологов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии и нас. Участники проекта добились значительных результатов, прежде всего организационно-методологических.

В условиях тогдашних сложностей международных контактов и поездок удалось принять единый блок вопросов анкеты и осуществить эмпирические исследования в каждой стране-участнице. Вопросы выборки решались каждой стороной самостоятельно. В России была опрошена молодежь (до 30 лет), занятая на предприятиях промышленности, строительства, торговли и обслуживания г. Костромы. Далее был совместно разработана и реализована единая система кодировки информации, а потом и единая схема статразработки. Был осуществлен обмен эмпирической информацией. При подготовке итоговой совместной монографии участники вышли на тематическую специализацию каждой страны-участницы, когда каждая команда участников разрабатывала свою тему на базе эмпирического материала из всех стран. Монография была сначала опубликована на русском языке в Будапеште, затем уже в отредактированном виде – в странах-участницах на своих языках.

Во второй половине 1980-е гг. т же международный коллектив подготовил еще одну совместную монографию по молодежной проблематике. Следует сказать, что В.Н. был неформальным лидером этого международного коллектива, благодаря не только своему авторитету социолога, но главное – исключительному демократизму. В те годы многие представители социалистических стран, привыкшие к главенствующей позиции «большого брата», были настороженны и одновременно готовы проявлять «послушность» относительно всех установок, исходивших от представителей

советской стороны. В.Н. на корню сломал эти стереотипы и поддерживал рабочую обстановку, в которой важнейшим ценным показателем был профессионализм. В.Н. упорно продолжал свой Новосибирский проект.

В 1983 г. спустя 20 лет после его начала, опросы молодежи в Новосибирской области были повторены. В анкету на новом этапе вносился блок основных, неизменных с 1963 г. вопросов, кроме того она дополнялась рядом актуальных вопросов. К примеру, вносились некоторые новые профессии в список тех, которые предлагалось оценить молодежи по степени престижа. Изменялись шкалы кодировки социально-профессионального статуса родителей, их доходов и пр. Данный методический подход сохранялся и дальнейшем, на следующих этапах продолжения этого уникального по своей длительности проекта как самим Шубкиным, так и последователями его «школы». Это позволило собрать на сегодняшний день уникальный банк сопоставимой социологической информации одного и того же объекта за 50 лет наблюдений. В 1985 г. по результатам исследований 1963–1983 гг. была опубликована монография (в соавторстве со мною) «Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства)».

В.Н. ценностно тяготел к литературному творчеству. Он не только с большим пиететом относился к ряду писателей и публицистов, но и сам довольно много сделал как публицист. Он считал, что социология имеет свои ограничения в изучении человека, она не способна отразить наиболее важную сторону его бытия в обществе – его нравственную позицию и поведение. Это – поле деятельности настоящей литературы и потому литература – выше социологии.

В середине 1970-х гг. он написал большую статью, опубликованную в «Новом мире», под названием «Пределы», где он изложил свои взгляды на этот счет. Она имела большой резонанс.

В 1991 г., когда к руководству Институтом социологии пришел В. А. Ядов, В.Н.Шубкин с наибольшим коллективом сотрудников (я была в их числе) перешел в этот институт. В 1994, 1998 гг. продолжались обследования молодежи. Они расширялись и географически, и с точки зрения объекта исследований.

Опросы по «Анкете выпускника» и сбор информации осенью проходили не только в Новосибирской области, но и в Москве, Краснодарском крае, охватывали выпускников не только дневных средних школ, но и средних специальных учебных заведений и средних профессионально-технических училищ. Результаты публиковались в виде коллективных монографий, в частности «Когда наступает время выбора (устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений)», 2001. В конце своего творческого пути В.Н. больше писал как публицист и литератор. Вел совместно со Шляпентохом международный сравнительный проект о страхах людей разных стран. Последняя его публикация – «Страхи в России».

Спасибо большое, Галина, Гордон и Шубкин – знаковые фигуры в нашем сообществе, и все относящееся к их жизни и исследованиям крайне важно для истории.

С чего началась Ваша исследовательская деятельность? Кто был Вашим непосредственным руководителем?

Я сразу начала работать под руководством Шубкина В.Н. Весьма знаменательно, что первой прочитанной мною книгой по социологии были «Социологические опыты» Шубкина, а второй – «Воспроизводство» (на французском языке) Пьера Бурдьё (и Жан-Клода Пассерона). Воздействие «школ» именно этих двух

социологов оказалось основным в моем профессиональном становлении и дальнейшем развитии. С одной стороны, реферат и доклад по этой книге П. Бурдьё (а затем и книги «Наследники») были первым полученным мною рабочим заданием, а через полтора-два десятилетия — уже на следующем цикле своей карьеры — я довольно долго общалась и сотрудничала с «бурдовьянами». С другой стороны, мои «социологические университеты» состояли в том, что я с порога погрузилась в конкретную работу социологического проекта Шубкина «Начало пути»: розыск бывших респондентов в Новосибирской области, составление анкеты, почтовый опрос в 1974 г., разработка материалов, интерпретация и т.д. Я поступила в заочную аспирантуру ИМРД АН СССР. Первую свою статью по результатам этого исследования я опубликовала в совместном венгерско-советском сборнике в 1975 г., с которого началось сотрудничество В.Н. Шубкина и Ф. Гажо. Далее была продолжительная работа — официально в качестве ученого секретаря — а по сути ближайшего помощника В.Н. в международном сравнительном исследовательском проекте с учеными шести социалистических стран.

Вспоминает В. Э. Шляпентох¹³

Когда у тебя появился интерес к самостоятельным научным поискам? Какие проблемы привлекали твое внимание? Кто-либо направлял твои первые научные изыскания?

По настоящему моя творческая жизнь началась в Академгородке в начале 60-ых, в котором Володя Шубкин, распознав мои гуманитарные склонности, толкал меня в социологию. Настоящее удовольствие от творческой деятельности я получил впервые, когда в 1965—1966 годах начал первые в стране всесоюзные опросы (их объектом были читатели центральных газет) и начал придумывать различные измерительные процедуры.

Ты не раз уже вспоминал Володю Шубкина. К сожалению, он давно и тяжело болен, и потому не приходится рассчитывать на беседу с ним. Им многое сделано в науке, и он подтолкнул тебя к социологии. Когда Грушин и Ядов говорят о нем, у них глаза теплеют. Не мог ты рассказать о Шубкине как о социологе и человеке?

Это самый приятный моей душе вопрос, который ты мне задал. Шубкина я всегда любил нежно, и по правде говоря (мы это оба любили повторять) у нас всегда было «морально-политическое единство». Оно сформировалось в Академгородке, в котором я с ним и его умницей женой Ирой познакомился в октябре 1962. Это единство было и в наших взглядах на важность роли математики в социальных науках — Володя был одним из горячих сторонников количественных методов в социологии (он был вдохновителем ротопринтной книги «Количественные методы в социологии», изданной в 1964 и переизданной «Мыслью» в 1966), но экстремизм 60-х годов с его верой в то, что все можно математизировать и измерить был нам смешон. Володя, который любил литературу намного больше, чем его коллеги (он сам был автором повести и ряда литературных эссе) видел в союзе социологии и литературы свой профессиональный идеал, терпеть не мог чисто цифирную социологию, на которую молились многие в 60-ые годы и СССР и в Америке.

¹³ Шляпентох В.Э. : «Социолог: здесь и там» <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=42>.

Мы были едины в понимании Аганбегяна со всеми его организаторскими способностями и с его помощью социологии как интригана, готового в любой момент заменить одну кассету в сознании другой (мы наблюдали эту смену кассет, когда началась политическая реакция в городке в марте 1968). Мы были с ним едины и в оценке того, что происходило в России после 1993 года. В отличие от Ядова и Левады у него не было ослепления Ельциным и Гайдаром в середине 1990-х.

У нас возникло, правда, некоторое расхождение, которое мы с ним избегали обсуждать. В середине 1970-ых Володя четко тяготел к либеральному славянофильству. Он напечатал в «Новом мире» статью «Пределы», в которой он жестко противопоставлял западного, меркантильного человека русскому человеку, человеку Достоевского, перед которым Володя преклонялся, человеку совести, моральных принципов. Я совсем не осуждаю национализм, если он не является ксенофобным, не враждебен Западу, а поглощен любовью к своей Родине. В целом, Володин национализм и был таковым, но все-таки статья Володи не была мне по душе, однако это не повлияло на нашу многолетнюю дружбу и взаимную симпатию.

Володя был и остается для меня воплощением человеческого достоинства. Чувство собственного достоинства является — в моей теории Шубкина — тем базисом, на котором возвышается надстройка с большинством его личных качеств. Его замечательная подруга и жена Ира не уступала Володе в этом повседневном беспокойстве о чести, они оба зорко следили друг за другом, чтобы не совершать поступков, которыми они не будут гордиться. Чувство собственного достоинства прежде всего не позволяло Шубкину гнутья перед обоими режимами, на которые пришлась его жизнь, и маловероятно, что, появившись в России новый режим, он начал бы петь ему «аллилуйю». Володя не был диссидентом. Он не будет утверждать как многие, работавшие тогда в ЦК и прямо контролировавшихся им учреждениях, что они разрушали там советскую власть, делая это даже на пьянках, как писал недавно в «Независимой газете» один очень уважаемый и любимый мною социолог.

Я утверждаю, что Володины исследования о профессиональных ориентациях молодежи в начале 60-ых годов были самыми смелыми по сравнению с другими пионерскими работами отцов-социологов. Ни Грушина, ни мои опросы общественного мнения не создали данных, которые прямо (а не только косвенно) бросали вызов официальной идеологии. И уж, конечно, таковыми не были опросы «Комсомольской правды». Они были вполне бодрыми и советскими, хотя и отражали элементы реальной действительности. Грушин имел полное основание писать 40 лет позже, что его опросы тогда установили всеобщую лояльность к власти и весьма высокий оптимизм в стране (Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 96–97, 140, 191–192, 279, 538.) Я подчеркивал, высмеивая российских антикоммунистов типа Льва Гудкова, что грушинские исследования тогда выявили важную сторону жизни СССР (Шляпентох В. «Советские люди в начале 60-х годов: размышления по поводу книги Бориса Грушина». Мониторинг Общественного мнения». 2004. № 4). И все-таки эти исследования были вполне лояльны власти, как были по своему правдивы романы 30-ых годов, типа Эренбурга «День Второй», воспевавшие энтузиазм первых пятилеток.

Однако в 60-ые годы можно было избрать предметом социологических исследований не безопасную (хотя и вполне «честную» тему), а явления жизни, о которых власти не хотели говорить или даже запрещали это делать.

Новосибирские исследования текучести рабочей силы в 1960-ые были по сути несколько крамольны, ибо в них шла речь не о бескорыстных Ядовских ленинградских молодых рабочих, а о советских трудягах, готовых немедленно поменять место работы ради дополнительных 10–20 рублей и особенно, если на новом месте работы обещают жилье. И все-таки и эти исследования нельзя сравнить с тем, что сделал Шубкин, который прямо и однозначно объявил полной туфтой фундаментальный тезис официальной идеологии о руководящей роли рабочего класса. Отмечу, шубкинское исследование было первым, вызвавшим бурную реакцию на Западе, где сразу прекрасно поняли его идеологический заряд.

И Володя нанес удар сознательно, бесстрашно, с удовольствием. Ведь никто не знал, как прореагирует ЦК на первый его доклад о том, что молодежь ни за что не хочет присоединиться к классу гегемонов. Я не знаю, кто из социологов может сказать о таком своем прямом вызове легитимности всей советской системы.

И все-таки Шубкин не объявлял открытой войны партии и КГБ, но он был глубоко поглощен всю свою советскую жизнь тем, чтобы не сделать ни одного жеста в пользу системы, переступить порог дозволенного из страха и карьеры. Он решительно отказался от сотрудничества с КГБ накануне его первой зарубежной поездки (речь шла о Франции, мечте всех нас тогда), хотя отлично понимал, что он может быть никогда не сможет увидеть ни Париж, ни другие волшебные города и что абсолютное большинство его коллег без малейших колебаний, чуть ли не с радостью от проявленного им доверия, соглашалось делать буквально все, что вежливо просили их розовые мальчики с Лубянки или из «Аквариума».

Володя и Ира не только открыто читали «самиздат», но смело поддерживали их приятеля, который, будучи тесно и демонстративно связан с генералами диссидентства, находился под открытым наблюдением КГБ (по крайней мере, так мы считали тогда в Академгородке). Когда в Академгородке шла кампания против подписанства, и многие наши коллеги склонили головы перед преследователями и даже стали оправдывать их и присоединяться в разной форме к ним, Ира и Володя прошли этот жуткий период с высоко поднятой головой. Много ли наших общих друзей и коллег могут привести подобные эпизоды из своей жизни?

Когда в 1978 году я объявил о своем решении эмигрировать, совсем немного моих коллег по ИСИ не забыли мой домашний адрес, и, конечно, Володя и Ира были среди них и старались поддерживать мой дух всякими средствами.

Володя не склонял головы не только перед чиновниками ЦК и КГБ, но и перед своим босом в Академгородке, от которого зависела его карьера. Довольно скоро он, защищая свою независимость и отказываясь петь ему осанну, вошел в конфликт с ним и лишился верных шансов на членкоррство, которое досталось другим.

Этот эпизод — лишь один из многих, относящихся к теме, далеко не разработанной, об отношениях между социологами и властью. Уж как отличались мои коллеги (я не имею ввиду откровенных социологов-аппаратчиков, естественным образом для их природы пресмыкавшихся перед нею) друг от друга в этом отношении. Осипов и Здравомыслов на одном полюсе, Левада и Шубкин, на другом.

Постсоветское время проверило достоинство Шубкина иным образом. Кто из социологов масштаба Шубкина, с его опытом национальных и международных социологических исследований, в конце века, но до болезни, имел тот-же общественный статус, что и накануне перестройки — заведующий отделом? А это произошло опять-таки из-за шубкинской гордыни-отвращения к сотрудничеству с властью ради

высоких позиций и, конечно, денег. Он не мелькал на телевидении и не рвался на московские престижные тусовки. Он не искал встреч с сильными мира сего. Шубкин не мог отказаться от нормальной позиции русского интеллигента и тем более социолога – выступать критиком власти, говорить правду об обществе, в котором правят бал коррупция и преступность.

Он, при всей своей ненависти к тоталитаризму прошлого, не мог закрыть глаза на поведение тех, кто окружили трон, и органически не мог им служить ни прямо, ни косвенно. Он не мог простить этим людям, претендующим на мантию демократов, их глубокого равнодушия к «униженным и оскорбленным», к судьбам своей страны. Он не боялся ни в Москве, ни в Сиэтле демонстрировать свой пиетет к Солженицину, игнорированному и высмеивавшемуся в «демократических» кругах. Отвергая, в моем представлении, и коммунистов, и либералов, Володя не боялся говорить о своей любви к Родине, о своей острой озабоченности ее национальными традициями, сохраняя при этом уважение ко всем другим народам, к Западу, в частности.

То же чувство собственного достоинства заставило Володю приложить все усилия, чтобы восстановить для себя и общества историю своего отца, погибшего во время сталинского террора, опять таки – редкий случай в нашей жизни.

Володя никогда не скрывает своей идейной позиции и для него оказалось опять неприемлемым двойное мышление немалого числа его коллег – ругать власть на кухне и поддерживать ее публично, добиваясь от нее разных привилегий. Шубкин, однако, полностью лишенный чувства зависти – другая сторона его чувства собственного достоинства, – далек от порицания тех, кто ведет себя иначе в постсоветское время, столь полное соблазнов и столь равнодушное к понятию честности.

Вспоминает В. А. Ядов¹⁴

Из письма Владимира Ядова Борису Докторову

Володю Шубкина книжечем литературы по предмету я бы не назвал. Но он запоем читал беллетристику и стихи. Любил театр, в любимовской «Таганке» был своим человеком и, кажется, входил в художественный совет непослушного театра. Он, как известно, публиковался в «Литгазете» и являлся членом Союза писателей. В Шубкинском стиле отличительной чертой было товарищество; не случайно он предпринял мини-исследование в своём отделе в Академгородке и составил социоматрицу тесноты взаимосвязей в группе. Матрица удостоверила сплочённость их коллектива, никого не обидела. Володя, как и Грушин, отличался методологическим, я бы сказал, изобретательством. Если Грушин придумал выборку опрашиваемых пассажиров поезда дальнего следования (люди из разных регионов страны), то Шубкин нашёл простейший и «невинный» способ выявить, в какой мере в стране социализма наличествует социальное расслоение: опрос выпускников школ и данные о продолжении образования. Этот проект стал классикой нашей социологии, продолжается его учениками до сего времени. Шубкин первым инициировал исследования качественными методами, которые в то время в мировой социологической практике модными вовсе не были. Он утверждал, что личность статистически исчислить нельзя. Кстати о социометрии Морено Володя тоже не знал, сам изобрёл методику. Писал он легко

¹⁴ Докторов Б. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. – М.: ВЦИОМ, 2016. С. 100 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451>

и быстро великолепным и доступным непрофессионалам стилем. Был, как мы говорим сегодня, подлинно публичным социологом. Впрочем, здесь он не отличался от Кона, Грушина и Левады.

Ядов В. Как командир орудия сержант Шубкин, ныне гл. научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии. http://www.isras.ru/index.php?page_id=1401

В среду 28 апреля 2010 года при открытии ежегодной отчетной конференции Института социологии РАН дирекция поздравила пятерых наших сотрудников – участников Великой Отечественной. Все пятеро стали докторами наук. Почетная грамота, гвоздики и конвертик. Владимир Шубкин присутствовать не мог, уже несколько лет после инсульта в институт не приходит. Наш директор член-корр. РАН М. К. Горшков попросил передать моему ближайшему другу соответствующую событию папку с золотым тиснением и прочее.

Сегодня, т. е. на следующий день мы с Наташей за рулем заехали в супермаркет, купили коньяк, фрукты и, заранее упредив заслуженного ветерана орденоносца и кавалера академической медали имени Питирима Сорокина «За вклад в науку», прибыли к нему в район Коньково. Условились так, что я торжественно зачитываю поздравительный текст, Наташа вручает гвоздики и передает мне конвертик, который я как нечто не очень существенное кладу на стол. Далее – тост, троекратное Ура !!! и разговор. Разговор наш обернулся интервью, потому что Володя заметил, что никогда и никому этого не рассказывал, даже своим домашним.

Здесь надо сделать отступление и напомнить, что В. Н. Шубкин принадлежит к поколению социологов шестидесятников, усилиями которых наша область знания явилась заново после сорокалетнего запрета. Шубкин создал свою научную школу, занимаясь исследованиями престижа профессий. Выпускникам школ предлагали ранжировать список профессий, спрашивали куда они намерены поступить учиться после школы и отслеживали кто и куда реально смог поступить. Казалось бы, проблематика вполне подцензурная. Но по существу было показано несомненное социальное расслоение в советском обществе, где рабочие, крестьяне и интеллигенция социально равны при «ведущей роли» рабочего класса. Из представительных статистик Шубкина и его последователей следовало нечто иное: дети номенклатурных родителей поступали в ВУЗы, дочери и сыновья из рабочих семей – по преимуществу оказывались в технических училищах и кулинарных техникумах. Исследования в этом направлении продолжают по сей день сотрудниками отдела социологии образования ИС РАН, в котором проф. Д. Константиновский заменил Шубкина по посту начальника.

В 41-м Владимир окончил в сибирской глубинке школу и, как многое мальчишки, побежал в военкомат. Там ему дали отлуп как сыну «врага народа», к тому времени расстрелянного по решению тройки. В какой-то очередной приход в военкомат его и других добровольцев записали в книгу, и всех эшелонам отправили на «обучение бойца». Выгрузили почему-то в тайге, приказали обнести территорию колючкой и затем уже соорудить бараки. Спустя время, Шубкина, опять же без каких-либо объяснений отправили домой. Повезло ему, когда военкомат объявил призыв имеющих среднее образование плюс лыжников. Владимира направили обучаться на артиллериста. В действующую армию он получил предписание командиром орудия под Сталинград. Был демобилизован после тяжелого ранения в конце 43-го.

В 1999 г. В.Н. Шубкин опубликовал книгу под названием «Пашкин подарок». Там он описывает «социологию войны». Название книги связано с ранением. Батарея стояла на Сапун-горе, где немцы наступали, наши держали оборону. В батарее не осталось ни одного офицера, и сержант Шубкин принял командование. Осколками снаряда ранило в обе ноги. Солдат его батареи потащил командира в горы, но сказал, что дальше нести не сможет, пойдет за подмогой. Оставил ему флягу с водой, какую-то еду. Оружие и немного патронов у него были. Шубкин лежал долго, терял сознание. Уже не надеялся на помощь, боялся как бы все патроны не израсходовать, если появятся немцы, надо было один оставить для себя. И вдруг по горной тропе идет какой-то боец из неизвестного ему подразделения, взваливает сержанта на спину и доносит до медсанбата. Шубкин помнит лишь, что солдата звали Павел. Пашка подарил ему жизнь.

Вернемся к сегодняшнему визиту. Мы с Наташей в присутствии медицинской сестры Нины, уже не молодой дамы, приехавшей в Москву из Казахстана, торжественно поздравили Владимира Николаевича. Выпили по глотку московского коньяка марки «Кенингсберг». Я спросил: «Володя, тебе самому пришлось застрелить немца не из пушки, а напрямую?»

Дальше пишу в формате интервью (себя обозначаю буквой И), причем речь Шубкина я отредактировал: говорит он, с трудом подбирая слова.

Шубкин. Знаешь, я никогда об этом не рассказывал. Когда мы брали Сиваш, немцев там просто лупили. Комбат отправил меня в штаб. Наткнулся на немецкие окопы. Один солдат поднял руки и вылез из окопа. А сзади в другом

окопе еще солдаты. Я подошел к фрицу и ударил его

И. Как ударил? Ты ведь в школе и боксом занимался, не только лыжами.

Ш. Я ему врезал по морде.

И. Он оружие бросил?

Ш. Не помню, он головой замотал, и пошел к своим. Там их человек 10 было. Они вылезли из окопа и стояли. Деваться им уже было некуда.

И. В тебя не стреляли?

Ш. Нет.

Я пошел куда комбат приказал. Да, знаешь, я в то время сделал карьеру: стал комсоргом батареи. Был я сержантом и командиром орудия, а в батарее – четыре орудия, сколько солдат не помню, кого-то поубивало. Потом я чуть в штрафбат не загремел. Комбат был мерзавец, и солдаты жаловались мне на него как комсоргу. Я ему при солдатах сказал, что они о нем думают. Он меня не наказал никак, что-то понял.

И. А, где тебе ноги побил осколками?

Ш. Это уже позже – Сапун-гора.

Здесь прервемся. Когда Михаил Руткевич вычищал ИКСИ АН ССР от Левадов и ему подобных, Шубкин сказал ему, как когда-то сказал комбату в присутствии солдат: «Михал Николаевич, Вам бы штрафниками командовать, а не академическим институтом руководить».

И. Ну давай тяпнем по чуть-чуть, и я отправлюсь, чтобы записать твой рассказ.
Дата интервью: 29.04.10.

Длительность: 45 мин. Место: квартира респондента. Присутствующие: сестра-сиделка и мой ассистент
Респондент: волновался, говорил искренне.

**Дополнение к воспоминаниям Галины Чередниченко (после прочтения всех выше
приведенных воспоминаний)**

Шубкин В. Н. парадоксальным образом явился дважды новатором в российской социологии. Сначала как автор и редактор первой в 60-е гг. монографии о количественных методах в социальных исследованиях (Количественные методы в социологических исследованиях / Под ред. А. Г. Аганбегяна и В. Н. Шубкина. Новосибирск, НГУ, 1964) он вводит и утверждает позитивистскую методологию, которую и воплощает в своем многолетнем исследовании молодежи Новосибирской области. Далее, во второй половине 70-х, когда еще никто не знает и не помышляет о качественных методах в социологии, он публикует в «Новом мире» (1978, № 2) статью «Пределы», где с пронзительным беспокойством поднимает проблему недостаточности, ущербности «количественного усреднения» человеческой личности и говорит о необходимости дополнения и совмещения социального анализа с гуманитарным знанием о человеке. Такое знание, по его мнению, может дать только подлинная литература, обращаясь к корням и истокам человеческой нравственности. Он подчеркивал, что социолог изучает, строго говоря, не личность, а среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. От единственности и неповторимости живого человека в результате его «осреднения» остается, как он говорил, «вагранка». И когда по результатам такого абстрагирования пытаются делать прогнозы поведения человека, неизбежно в социологическом анализе наталкиваются на пределы, которые не преодолимы методами научного знания. Здесь в свои права вступает та литература, которая концентрирует человеческую жизнь в предельных ситуациях, состояниях, на изломах судьбы, когда наиболее полно раскрываются глубинные ценности, нормы, цели человека. Шубкин считал, что драматичность нравственного и социального выбора наиболее остро осознавалась Ф. М. Достоевским, а в наше время — А. И. Солженицыным и такими писателями как Сергей Залыгин, Федор Абрамов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев.

В статье «Пределы» В.Н. убедительно показывает диалектику триады (в разных соотношениях живущей в каждом человеке) — возвышения от человека биологического, к человеку социальному и далее к человеку духовному, нравственному. Последнего он противопоставляет человеку социально-рациональному, («внешне ориентированному» как сказали бы социологи) ограниченному только заботой и своим всесторонним благополучии. Причем, в отличие от В. Э. Шляпентоха, я не помню ни из содержания статьи, ни из общей позиции Шубкина, чтобы он приравнивал своего «человека рационального» человеку западному. Шубкин пишет о «нравственном» — «рациональном» как о всеобщих человеческих универсалиях. Недаром после публикации этой статьи у нас в ИМРД случилась такая неожиданная на нее реакция — директор института Т. Т. Тимофеев всполошился, что Шубкин именно с него сделал «пасквильный портрет» человека рационального. В.Н. в целом совершенно нейтрально относился к Западу — и без пиетета, и без завистливой критики. Помню, как он искренне удивлялся такой, как он определил, человеческой незрелости

сти, которую обнаружила сотрудница, бывшая с ним в командировке и восхищенно поражавшаяся (впервые выехав на Запад) только увиденной материальной благоустроенностью. В его реакциях на тот Запад, на котором ему удалось относительно не скоротечно побывать, преобладали, прежде всего, интерес и оценки социолога. Вспоминая свою командировку весной 68 г. в Париж, он рассуждал об элитарности школы и университетов, социальной селекции и ее скрытых механизмах во Франции. Говоря о Польше — еще до появления Солидарности — подчеркивал, что эта страна существенно выбивается из ряда стран тогдашнего социалистического содружества тем, что в ней существует настоящий рабочий класс, проявляющий свое особое место в обществе, а также такие важные институты, как церковь и собственность крестьян на землю.

Особенностью самосознания В.Н. была его устремленность в предисторию как текущих, так и прошлых событий. И это тесно у него переплеталось как в повседневном общении, так и в его творчестве, и уходило корнями в главные переломные вехи его биографии — арест и расстрел отца органами НКВД в 1937 г. и участие в войне. Так, его «сквозной темой» были истоки тоталитаризма. Лично мне именно он в 70-е гг. открыл и побудил интерес к трудно «доставаемой» тогда информации об истинной истории страны 20–30-х и 50-х гг. В зрелые годы его больше всего занимала и тревожила проблематика насилия, которому, как он раскрывал в своей публицистике, может противостоять только нравственная «революция». Исключительная острота исторической памяти, как в осмыслении истории и культуры страны, так и своей семьи, отразились в таких его произведениях как: Неопалимая купина. Заметки о традициях русской классики в современной прозе // Наш современник. 1981, № 12; Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996; Пашкин подарок: повести. М.: Институт социологии РАН, 1999.

Всю жизнь В.Н. мучительно тревожила судьба отца. Семье на запросы о положении Николая Феокистовича после ареста стандартно отвечали: «Десять лет без права переписки», а в 50-е гг. выдали свидетельство о смерти по естественной причине где-то в конце военных лет. У В.Н. всегда оставались сомнения в том, что на самом деле указанная формулировка означала расстрел. И он в перестроечные годы публикует в «Огоньке» заметку, где, вспоминая судьбу отца, рассуждает о том, что соответствующие органы и советские статистики в заботе о сокрытии слишком больших показателей смертности в 1937–38 гг. перераспределяли истинные даты смерти расстрелянных на годы войны. Вскоре в барнаульской газете появилось Открытое письмо, адресованное ему работником нынешнего местного КГБ, который цитировал архивное личное дело отца Шубкина. Сам он, получив доступ к этому архиву, узнал о решении тройки о расстреле Н.Ф. осенью 37 г. Данью Шубкина-сына своему отцу стала публикация дневника Н.Ф. — преподавателя литературы женской гимназии Барнаула — сначала в советское время в «Новом мире» с предисловием С.Залыгина (который в средней школе Барнаула был учеником матери В.Н., тоже учительницы литературы), а потом и отдельной книгой с предисловием и послесловием В.Н.: Н. Ф. Шубкин. Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. С-Пб.: РХГИ, 1998.

Участие Шубкина в войне оказалось специфичным и по-особому значимым. Как сына «врага народа» военкоматы его не брали ни на учебу в военные училища, хотя он был с востребованным средним образованием, ни на фронт добровольцем. Однако как член сборной Алтая по лыжам он попадает на формирование соответ-

ствующих подразделений и, в конце концов, оказывается в августе 1942 г. на фронте под Сталинградом в качестве солдата, наводчика артиллерийского орудия (благодаря среднему образованию). Воспоминания про это время Шубкин предварял таким рассуждением: про войну с крестьянством – раскулачивание – у нас ничтожно мало введенных в культурный оборот (опубликованных) свидетельств, да и художественной литературы, публицистики в сравнении с последующим геноцидом – 37–38 годами, поскольку в первом случае речь шла о людях «без гласа», «не пишущих», тогда как вторые представляли в массе своей интеллигенцию и она оставила по себе и продолжает порождать большие пласты различной литературы. Шубкин считал, что аналогично обстоит дело с войной. Ее отразили в литературе люди образованные, а они на войне оказывались в чине как минимум лейтенанта – поэтому и возникла так называемая лейтенантская литература, либо это мемуары военачальников. Положение и тяготы войны, выпавшие на долю солдата, практически никто из образованных/пишущих людей, не прожил через себя. Шубкин, исключительный участник войны – из имеющих глас сословия – и начавший ее как рядовой в своих произведениях «Социология войны», «Пашкин подарок» свидетельствует, что для бывших на передовой солдат фронт запомнился, прежде всего, как тяжелейший изнурительный труд, холод и голод. В.Н. вспоминал, как под Сталинградом их неделями оставляли без подвоза пищи и продовольствия и как они сами ползали в поля, разыскивали оставшиеся не сожженными полосы пшеницы, нарезали ее штыками в плащ-палатки, обмолачивали и варили. Бой, стрельба, атака были лишь острой приправой к тяжелым солдатским будням. Шубкин, боец, раненый в госпитале и будущий социолог, вынес представление о том, что фронт имел не только длину, но и ширину – в десятки километров промежуточную полосу, состоящую из продовольственного и вещевого снабжения, штабов, госпиталей, политотделов, редакций, стройбатов, заградотрядов, ансамблей, трибуналов и пр. Представители в погонах этой зоны не испытывали ни опасностей линии фронта, ни тяжкого труда тыла, однако получали медали и ордена за оборону или взятие как фронтовики.